

"В Мастерской Природы", №5-6, март 1924 год, стр. 8-11

<<< ВМП-05-06-1924 >>>

Белые ночи и черные дни

Я. И. Перельмана

Нередко приходится слышать утверждение, будто белые ночи — особенность одного лишь Ленинграда. Это, конечно, заблуждение: белые ночи — явление, свойственное определенным географическим широтам обоих полушарий, и Ленинград не имеет никаких оснований предъявлять на них какие-либо преимущественные права.

В самом деле: что такое "белая ночь" в глазах метеоролога или астронома? Что такое этот "прозрачный сумрак" и "блеск безлунный"? Если отвлечься от поэзии и обратиться к астрономической правде этого явления, то ответ будет таков. Белая ночь — это слияние вечерних и утренних сумерек. В тех широтах, где солнце, в своем суточном движении по небесному своду, неглубоко опускается ниже горизонта, не глубже 17 градусов, — там вечерняя заря не успевает померкнуть, как уже загораются лучи утренней. "И не пуская тьму ночную на золотые небеса, одна заря сменить другую спешит", не оставляя для ночи и получасового промежутка.

При таких условиях, разумеется, ни Ленинград, ни какой-либо другой отдельный пункт не может иметь привилегии служить единственным местом, где наблюдается это явление. Граница зоны белых ночей вычисляется астрономически. И оказывается, что слияние зорь может быть наблюдаемо уже гораздо южнее широты Ленинграда. Москвичи тоже могут любоваться белыми ночками, — приблизительно с средних

чисел мая по конец июля. Здесь они не так светлы, как в Ленинграде в те же самые дни; но все же ленинградские майские белые ночи могут быть наблюдаемы в Москве в течение всего июня. Почему москвичи не замечают их, или, вернее, почему они не обращают на них такого исключительного внимания, как ленинградцы, — это вопрос особый, относящийся уже к области "поэзии", а не "правды" белых ночей.

Южная граница зоны белых ночей проходит в России на широте Полтавы, на $49\frac{1}{2}$ градусе. Здесь существует, впрочем, только одна белая ночь в году — именно 22 июня. Начиная с этой широты, на север белые ночи становятся все светлее, а период их продолжительности — длиннее. Есть белые ночи и в Самаре, и в Казани, и в Пскове, и в Вятке, и в Енисейске, — но так как все эти пункты южнее Ленинграда, то белые ночи там охватывают меньший период (по обе стороны от 22 июня) и не достигают такой яркости. Зато в Выборге они еще светлее, чем в Ленинграде, а особенно светлы в Архангельске, расположенном уже недалеко от зоны незаходящего солнца. Белые ночи Стокгольма ничем не отличаются от Ленинградских.

Но почему же молва так прочно связывает белые ночи именно с Ленинградом? Трудно дать ответ на этот вопрос, исходя из соображений чисто астрономических. Причины тут психологические, отчасти даже литературные. В большом городе эффект белой ночи совсем иной, нежели в сельской местности, в лесу или в поле, на той же географической широте. Сельский ландшафт в сумеречном освещении белой ночи мало чем отличается от того же ландшафта под вечер и потому не производит непосредственно на чувства никакого особенного впечатления. Другое дело — улицы столичного города. Под вечер мы привыкли видеть их кишашими народом,

придающим столь характерное оживление человеческому муравейнику. В белую же ночь, — при таком же, в сущности, освещении — эти улицы пустынные, и безлюдье их, когда "ясны спящие громады" и "светла Адмиралтейская игла", производит странное впечатление своей необычностью. Мы не отдаем себе отчета, чем именно поражает нас тогда вид столичных улиц, но непосредственное чувство говорит нам о чем-то, чего мы не привыкли видеть нигде в другом месте. При таком освещении глаз привык видеть бурление людского потока, — а его нет. Вот, вероятно, психологическая причина эффектности и популярности ленинградских белых ночей. К этому присоединяется и ореол литературных воспоминаний, созданный творчеством наших поэтов и беллетристов: мы склонны видеть то, что внушают нам поэты.

Есть еще одна особенность из области поэзии белых ночей, которую тоже не легко объяснить. Ленинградцы уверяют, то их белые ночи от года к году становятся все менее светлыми; в последнее время не бывает уже тех ярких истинно-белых ночей, которые витали над Ленинградом в старину. Находят как-будто и литературные подтверждения этому, ссылаются на пушкинские строки:

... Когда я в комнате своей
Пишу, читаю без лампы ...

В нынешние белые ночи нельзя уже читать и писать в квартире без искусственного освещения. Скорее всего, — это не более, как чисто-психологический результат притупления первого впечатления. При приезде в Ленинград откуда-нибудь с юга, "спящие громады" в прозрачном сумраке задумчивых ночей производят неизгладимое впечатление своей новизной, необычайностью; но, обживаясь в северной столице, мы мало-по-малу привыкаем к многим ее особенностям, и они не

поражают нас так, как прежде. Впрочем, возможно, что здесь есть и доля объективной правды. Дело в том, что с увеличением влаги в атмосфере сумерки становятся короче и тусклее: а воздух Ленинграда, от копоти и дыма фабричных труб, без сомнения стал туманнее, чем лет 25-50 назад, когда фабрик в столице было значительно меньше. Известно ведь, как участились от той же причины в последние годы знаменитые лондонские туманы. У нас то же самое проявляется менее резко, и, может-быть, одним из проявлений увеличенной влажности служит потускнение ленинградских белых ночей.

Возвращаясь от поэзии белых ночей к их правде, отметим, что с астрономической точки зрения белая ночь — младшая сестра полуночного солнца; когда ночная дуга суточного пути солнца совсем не погружается под горизонт, а лишь слегка скользит по нему, мы имеем уже не только слияние двух зорь, но и непрерывный день. Это впервые можно наблюдать на 65 град. 42 мин. широты: здесь начинается царство полуденного солнца. Еще севернее — начиная с 67 град. 24 мин., можно наблюдать также и непрерывную ночь, слияние утренней зари с вечерней через полдень, а не через полночь. Это, если хотите, — черный день, полная противоположность белой ночи, хотя степень освещения их одинакова. Страна черных дней — это та же страна полуночного солнца, только в другое время года. Там, где можно видеть *незаходящее* солнце в *июне*¹, — там же в *декабре* господствует многосуточный мрак, обусловленный *невосходящим* солнцем.

Очень любопытная смена света и мрака происходит в околополярных областях, внутри 83½ параллели. Наше ходячее, вынесенное из школьных уроков географии, представление о чередовании там дней и ночей, весьма далеко от истинной картины. Этот край вовсе не знает обычной смены

дней и ночей. Та брешь, которую пробивают в этой монотонной смене ленинградские белые ночи, достигает здесь уже полного разрыва с привычным распорядком. Все полугодие от летнего до зимнего солнцестояния, — то-есть, от 22 июня до 22 декабря, — разделяется на 5 периодов, на пять времен года, если хотите. В течение первого периода стоит непрерывный день; в течение второго — дни чередуются с сумерками около полуночи, но ночи не бывает (слабым подобием их и являются нынешние наши летние ленинградские сутки); в течение третьего периода стоят непрерывные сумерки, — дней и ночей вовсе не бывает, в течение четвертого периода эти сплошные сумерки сгущаются около полуночи в полную ночь; наконец, в течение пятого периода царит сплошная ночь. В следующем полугодии — с декабря по июнь те-же явления повторяются в обратном порядке.

По ту сторону экватора, в южном полушарии, на соответствующих географических широтах наблюдаются, конечно, те же явления. Там тоже должны быть белые ночи, и если мы ничего не слышим о белых ночах далекого юга, то лишь по той причине, что крайний юг — область океана, омывающего Антарктический материк. Параллель, отвечающая в южном полушарии широте Ленинграда, не пересекает ни одного клочка твердой земли; она вся лежит в океане, и любоваться "белыми ночами юга" могли бы только южнополярные путешественники, одни лишь посещающие эти широты южного полушария. Не удивительно, что ни в путевых дневниках, ни на страницах романов нам не приходится встречать никаких указаний на явление, которое по ту сторону экватора вправе соперничать с белыми ночами нашего севера.

1 В Тромзе, в Норвегии, солнце не погружается под горизонт, начиная с 19 мая по 26 июля, в Гаммерфесте — с 14 мая по 30 июля, а близ мыса Нордкапа — с 12 мая по 1 августа.